

Александр Восьмой

**Арма 7: Знак
Вороньего Клюва**

18+

Александр Восьмой

Арма 7: Знак Вороньего Клюва

«Автор»

2026

Восьмой А.

Арма 7: Знак Вороньего Клюва / А. Восьмой — «Автор», 2026

Группа спецназа, снайперы и миномётчики штурмуют страну «Окраина». Война между страной «Окраина» и «Мазаракш». Знак Вороньего Клюва: клятва перед штурмом. Перед решающим рывком группа получает древний знак — перстень с вороньим клювом, символ пограничных стражей Окраины. По преданию, он показывает, кто из отряда не вернётся. Бойцы смеются над суеверием, но когда перстень загорается багровым светом, шутки заканчиваются. Теперь каждый шаг — испытание на верность и храбрость.

Александр Восьмой

Арма 7: Знак Вороньего Клюва

Глава 1. «Рассвет перед бурей: клятва у границы»

Небо над Окраиной ещё не успело прогнать ночную тьму, но горизонт уже наливался тревожным багрянцем — будто сама земля знала, что сегодня граница перестанет быть просто линией на карте. Воздух был густым, пропитанным запахом гари, сырой глины и чего-то древнего, будто из трещин в земле поднимались голоса тех, кто когда-то стоял здесь до них.

Группа спецназа замерла у кромки руин — там, где бетонные плиты давно смешались с корнями дикого терновника, а колючая проволока висела, как высохшие вены. Снайперы проверяли прицелы, не глядя друг на друга: в такие минуты лишние взгляды могли выдать то, о чём не принято говорить. Миномётчики молча перекладывали снаряды, будто пытались взвесить на ладони саму тяжесть предстоящего дня. Никто не шутил. Даже привычные подколки повисали в воздухе и таяли, не долетев до ушей.

Командир, майор Растор, стоял чуть впереди, у полуразрушенной арки, которая когда-то служила воротами. Его голос, обычно сухой и рубленый, сейчас звучал непривычно ровно, почти торжественно:

— Пограничные стражи Окраины клялись не отступать, не сдаваться и не забывать, что за их спинами — не просто земля, а дыхание тех, кто жил, любил и умирал здесь. Мы не первые, кто стоит на этой черте. И, возможно, не последние. Но сегодня мы сделаем так, чтобы эта черта стала началом.

Бойцы подхватили слова клятвы — не громко, не хором, а каждый по отдельности, будто вкладывая в них что-то своё: обиду, надежду, страх, который они научились прятать за твёрдостью взгляда. И в этой разрозненной тишине клятва звучала даже сильнее, чем если бы её выкрикнули единым голосом.

А потом разведчик Клык, который вечно совал нос туда, куда не просили, выбрался из пролома в стене и протянул ладонь. На пыльной коже лежал перстень — тёмный, тяжёлый, с вычурной гравировкой в виде вороньего клюва. Металл был холодным, словно впитал в себя все зимы, что прошли над этой землёй.

— Нашёл в нише, за плитой, — прохрипел Клык, отряхивая рукав. — Выглядел так, будто его специально туда положили.

Кто-то из бойцов фыркнул:

— Да это просто побрякушка. Может, какой-то старый талисман.

Другой, не поднимая глаз от прицела, буркнул:

— Вороний Клюв... Говорят, его носили те, кто держал рубеж. По легенде, он показывает, кто не вернётся.

— Ага, — вставил третий, пытаясь вернуть в голос привычную насмешливую нотку. — Сейчас засветится и всё нам расскажет. Давай, перстень, не тяни.

Все засмеялись — коротко, нервно, как смеются люди, когда пытаются убедить себя, что им не страшно. Но смех оборвался сам собой, едва перстень вдруг дрогнул в ладони Клыка и из глубины металла пробился тусклый багровый свет — не яркий, не ослепляющий, а такой, какой бывает у углей, которые вот-вот погаснут... или вспыхнут с новой силой.

Тишина стала плотной, почти осязаемой. Даже ветер, до этого метавшийся между руинами, будто замер, прислушиваясь.

Растор медленно протянул руку и взял перстень. Холод металла отозвался в пальцах странным эхом, будто кто-то прошептал имя, которое майор давно старался не вспоминать. Он не верил в легенды. Он верил в дисциплину, в тактику, в вес оружия в руке. Но сейчас даже его уверенность на секунду дала трещину.

— Значит, так, — сказал он, голос снова стал твёрдым, как сталь. — Перстень остаётся с нами. Не как талисман, а как напоминание: цена победы будет высокой. И мы заплатим её честно.

Багровый свет на мгновение вспыхнул ярче, будто согласился, и тут же угас, оставив после себя лишь тёмный металл и ощущение, что время только что сделало глубокий вдох перед тем, как рвануть вперёд.

Рассвет окончательно прорвался сквозь тучи, окрасив руины в цвета ржавчины и крови. Где-то вдали, за холмами, глухо ухнули первые выстрелы — разведка Мазаракша проверяла нервы границы.

Растор поднял руку, и группа пришла в движение — не бегом, не в панике, а размеренно, как единый механизм, где каждый знал своё место и свою роль. Впереди ждал штурм. Впереди ждала Окраина. И перстень с вороньим клювом теперь лежал в кармане майора, тяжёлый, как судьба.

Глава 2. «Тени в тумане: первый контакт с Окраиной»

Туман пришёл не с ветром — он просто был. Внезапно, везде и сразу, будто сама земля выдохнула эту серую пелену, чтобы спрятать от чужих глаз свои тайны. Он не стелился по земле, как обычный утренний пар, — он вставал стеной, плотной, маслянистой, цепляющейся за броню, за ремни, за взгляды, не давая ни на секунду забыть, что здесь воздух — тоже враг.

Отряд пересёк границу без фанфар и громких команд. Просто в какой-то момент бетонные обломки и выжженные воронки сменились лесом, который выглядел так, будто его выстроили не деревья, а чьи-то забытые страхи: стволы искривлены, ветви сплелись в решётки, а между ними висела тишина, слишком ровная, чтобы быть естественной.

Снайпер Ворон, шедший в авангарде, замер первым. Его палец лёг на спуск, но не нажал — потому что цель не появлялась. Вместо этого по краю зрения скользили тени. Не люди, не звери — скорее обрывки движения, которые исчезали, стоило повернуть голову.

— Вижу три силуэта на двенадцать часов, — прошептал он в гарнитуру, голос звучал непривычно глухо, будто туман глотал даже слова. — Держат дистанцию. Двигаются не по земле.

— Не по земле? — рявкнул в ответ Клык, разведчик, у которого нервы ещё пытались притворяться стальными. — Это как? По воздуху, что ли?

— Лучше не шути, — тихо оборвал его Растор, командир. Он шёл в центре группы, и именно в этот момент перстень с вороньим клювом, лежавший в нагрудном кармане, впервые слабо дрогнул — не засветился, а будто вздохнул, отдав короткий холодок прямо сквозь ткань.

Майор коснулся кармана, не для того, чтобы проверить, на месте ли перстень, а чтобы убедиться, что его собственная рука всё ещё тёплая.

Миномётчик Барс, пригнувшись у ствола поваленного дерева, вдруг поднял голову и прислушался. Его лицо стало неподвижным, как маска.

— Слышу эхо, — сказал он, почти беззвучно, будто боялся спугнуть звук. — Выстрел. Где-то в двухстах метрах. Но там пусто. Ни движения, ни тепла.

— Может, ветер принёс, — пробормотал кто-то из бойцов, но голос дрогнул на середине фразы.

— Ветер не стреляет, — сухо ответил Растор. — Держать строй. Не стрелять без команды.

Словно в насмешку над его приказом, рядом с командиром упала ветка — не сверху, не от ветра, а почти горизонтально, как будто её швырнули рукой. И упала она ровно в сантиметре от сапога майора. Слишком точно. Слишком нарочно.

Перстень в кармане вспыхнул на долю секунды тусклым багровым светом — и тут же погас, будто стыдясь своей откровенности.

— Это предупреждение, — прошептал Клык, и в его голосе впервые не было насмешки.

Растор не ответил. Он просто поднял руку, и группа замерла, сливаясь с тенями, становясь частью этого странного, живого леса.

И тогда туман дрогнул. Не рассеялся — нет. Он сдвинулся, как тяжёлая штора, открывая на мгновение просвет. В нём мелькнули силуэты — не люди, но и не совсем чудища. В них было что-то человеческое, искажённое, словно кто-то взял очертания солдат и слегка сдвинул их, как картинку, которую слишком сильно потянули за угол.

Ворон прицелился, но не выстрелил. Потому что в прицеле эти фигуры мерцали, то появляясь, то исчезая, будто реальность здесь была не сплошной, а лоскутной.

— Они не стреляют, — тихо сказал он. — Они... наблюдают.

— Или ждут, — добавил Растор.

В этот момент по рации пришло короткое сообщение от штаба — сигнал оборвался на полуслове, оставив после себя только шипение, похожее на чужой смех.

Окраина не просто сопротивлялась. Она разговаривала. И её язык был из теней, эха и падающих веток, летящих точно в цель.

Растор посмотрел на своих бойцов — на их напряжённые лица, на пальцы, лежащие на спусковых крючках, на глаза, в которых уже не было места шуткам.

— Мы здесь не только против Мазаракша, — сказал он тихо, но так, чтобы услышали все. — Мы здесь против самой земли. И если она хочет играть в прятки — пусть. Но мы найдём её.

Туман снова сомкнулся, поглотив даже очертания деревьев. Но теперь в нём было что-то новое — не просто пустота, а ожидание. Будто Окраина затаила дыхание и смотрела, как отряд сделает следующий шаг.

И отряд шагнул. Не потому, что не боялся. А потому, что страх уже стал частью маршрута.

Глава 3. «Вороний шёпот: пророчество начинает сбываться»

Ночь на Окраине была не просто тёмной — она была густой, как смола, и живой, будто сама земля дышала где-то совсем рядом, за тонкой гранью слышимого. Ни звёзд, ни луны — только плотный полог облаков, сквозь который не пробивался даже слабый отсвет далёких городов. В такой темноте даже привычный хруст ветки под сапогом звучал как выстрел, а тишина становилась почти осязаемой, тяжёлой, давящей на плечи.

Отряд разбил временный лагерь в полуразрушенной сторожке — остатке старой пограничной заставы, где стены ещё хранили эхо прежних тревог. Бойцы сидели кучно, не разжигая костров: огонь здесь казался вызовом чему-то древнему и недоброму. Кто-то проверял магазины, кто-то молча протирал прицел, кто-то просто смотрел в темноту, будто пытался разглядеть в ней то, чего видеть не хотелось.

Самым неугомонным в отряде был Весельчак — так его прозвали не за лёгкость характера, а за умение смеяться даже там, где смеяться было нечего. Он шутил про призраков, которые боялись миномётных расчётов, про туман, который, наверное, просто стесняется, и про перстень, который, по его словам, наверняка светится от сырости.

— Да брось, майор, — усмехался он, глядя на Растора, который время от времени касался кармана, где лежал перстень с вороньим клювом. — Это просто металл. Он не знает будущего. Он даже погоды не предсказывает.

Растор не спорил. Он просто кивал, но взгляд его оставался тяжёлым, будто он слышал что-то, чего не слышали остальные.

Ближе к полуночи Весельчак поднялся, потянулся и, схватив флягу, подмигнул:

— Пойду до ручья. Тут где-то вода должна быть. Вернусь — расскажу, что русалки скажи.

Никто не остановил его. Не потому, что не волновались, а потому, что в этом была своя рутина: сходить за водой, вернуться, пошутить — обычное дело, почти ритуал.

Он растворился в темноте, оставив после себя только короткий смешок и скрип сапог, который тут же поглотила ночь.

Прошло десять минут. Потом двадцать. Тишина стала другой — не спокойной, а натянутой, звенящей от ожидания.

И в этот момент перстень в кармане Растора вспыхнул.

Не постепенно, не робко — он вдруг озарился резким, багровым светом, будто внутри него разгорелся крошечный, но яростный огонь. Свет просачивался сквозь ткань, окрашивал пальцы майора в цвет запекшейся крови и на миг выхватывал из темноты его лицо — суровое, застывшее, лишённое всех привычных оттенков.

Вспышка длилась всего мгновение. Потом перстень снова стал просто тёмным металлом — холодным, тяжёлым, молчаливым. Но этого мгновения хватило, чтобы у всех в груди что-то оборвалось.

— Клык, Ворон, — тихо, но жёстко бросил Растор. — За ним. Быстро.

Они рванули в темноту, не включая фонарей: свет здесь был предательством. Двигались по памяти, по звуку, по тому, как земля меняла уклон под ногами. Ручей был недалеко — шагов двести, не больше. Но когда они добрались до берега, там никого не было. Только влажный песок, на котором отпечатались следы Весельчака... и ещё чьи-то. Странные, неровные, будто кто-то шёл босиком, но при этом не оставлял полных отпечатков — только острые, изогнутые линии, похожие на следы птичьих когтей.

А рядом с водой лежали перья. Чёрные, длинные, с едва заметным синеватым отливом — будто их выдернули из крыла огромной, неестественно большой птицы. Они лежали веером, аккуратно, словно кто-то специально их разложил.

Клык наклонился, хотел поднять одно перо, но Ворон резко схватил его за руку:

— Не трогай.

Потому что в этот момент из темноты донёсся звук — не голос, не крик, а что-то среднее между шёпотом и карканьем. Звук скользнул по коже, как ледяной ветер, и тут же стих, оставив после себя звенящую пустоту.

Когда отряд вернулся к лагерю, лица у всех были другими. Шуток больше не было. Даже те, кто до сих пор отмахивался от легенд, теперь смотрели на перстень не как на побрякушку, а как на приговор.

Растор стоял у входа в сторожку, сжимая в руке перстень. Он не знал, верить ли в пророчество. Он верил в дисциплину, в тактику, в то, что каждый боец — это звено, и если одно звено рвётся, страдает вся цепь. Но сейчас он впервые почувствовал, что ведёт отряд не только против врага из плоти и крови, но и против чего-то, что нельзя увидеть в прицеле, нельзя поразить снарядом, нельзя объяснить уставом.

— Строимся, — сказал он, голос звучал ровно, без эмоций, будто он специально выжимал из него всё лишнее, чтобы не выдать того, что творилось внутри. — Через десять минут выдвигаемся. Мы не оставим своего.

Кто-то хотел возразить, сказать, что искать в этой тьме — всё равно что ловить дым руками. Но никто не сказал ни слова. Потому что в глазах майора было то, что останавливало любые возражения: решимость, смешанная с болью.

Рассвет пришёл неожиданно — не мягко, не постепенно, а резко, будто кто-то сорвал с неба покрывало. Первые лучи ударили по руинам, высветив трещины, обломки, следы на земле. И в этом свете перья у ручья выглядели не просто странно — они выглядели как предупреждение.

Бойцы переглянулись. В их взглядах теперь читался один и тот же вопрос, который никто не решался произнести вслух: кто следующий?

Но Растор уже знал ответ — или думал, что знает. Он сунул перстень обратно в карман, ощутив, как холод металла снова отозвался в пальцах, будто прошептал что-то на забытом языке.

Окраина говорила. И её шёпот был похож на воронье карканье, которое звучало теперь не снаружи, а где-то внутри каждого из них.

Глава 4. «Перекрёсток дорог: выбор пути и цена ошибки»

Три дороги расходились перед отрядом, будто сама Окраина решила испытать их не пулями, а выбором. И каждая из троп обещала свою цену — разную, но одинаково высокую.

Первая шла по гребню холма — прямая, как лезвие ножа, и открытая всем ветрам и прицелам. По ней можно было пройти быстрее всего, но любой, кто ступит на этот гребень, станет мишенью для снайперов Мазаракша ещё до того, как успеет заметить блеск оптики в траве. Барс, миномётчик, смотрел на эту дорогу с привычной суровостью:

— Там нас срежут, как колосья. Даже если побежим пригнувшись — всё равно срежут. Ветер сам будет шептать врагу, где мы.

Вторая тропа уходила в низину, в сторону болот, тёмных и маслянистых, с пятнами стоячей воды, в которой отражалось небо так, что казалось — это не отражение, а дыра в другой мир. По этой дороге можно было пройти скрытно, но техника увязнет уже через сотню метров, а тащить тяжёлые ящики с боеприпасами по колено в жиже — значит потерять темп, а вместе с ним и шанс на внезапность. Клык, разведчик, пнул ком земли и поморщился:

— Болото не любит спешки. Оно любит, чтобы ты сначала отдал ему силы, а потом уже просило о милости. Мы там застрянем, как старые сапоги в грязи.

Третья тропа была самой странной — её почти не было видно. Лишь едва заметные проседания травы, старые каменные метки, наполовину ушедшие в землю, да редкие обломки кованых скоб, когда-то крепивших мостки. Это были старые тропы пограничных стражей — тайные, забытые, стёртые с современных карт. Ходили слухи, что по этим тропам можно пройти так, что земля сама скроет твои шаги, но взамен она потребует памяти: чем больше ты помнишь о тех, кто шёл здесь до тебя, тем тише ступает твоя нога. А если память слаба — тропа подведёт.

— Никто не помнит этих троп, — пробормотал Ворон, снайпер, разглядывая едва заметные следы на земле. — А если никто не помнит, значит, и тропа может не признать нас.

Растор молчал. Он стоял на перекрёстке, чувствуя, как в кармане перстень с вороньим клювом начинает слабо пульсировать — не вспыхивать, не гореть, а именно пульсировать, будто у него было своё собственное сердце, и оно билось в такт нарастающему напряжению. Холод металла проникал сквозь ткань, и каждый такой толчок отзывался где-то глубоко внутри, заставляя вспоминать клятву, произнесённую на рассвете у границы.

Бойцы спорили, каждый тянул в свою сторону, и в этом споре не было злости — только страх, замаскированный под уверенность. Они спорили не о дорогах, а о том, сколько из них дойдёт до конца.

И в тот момент, когда голоса стали громче, а жесты — резче, перстень вдруг вспыхнул коротким, резким багровым светом — так, что Растор даже вздрогнул, будто его ударили по руке. Свет погас почти сразу, но все заметили. Все замолчали.

Тишина повисла над перекрёстком, густая и тяжёлая, как предгрозового воздуха.

— Он подталкивает, — тихо сказал Клык, глядя на майора. — Не знаю, как, но он будто хочет, чтобы мы выбрали.

Растор сжал перстень в кулаке, ощущая, как острые грани гравировки врезаются в кожу. Он не верил в знаки. Он верил в расчёты, в карты, в вес оружия в руке. Но сейчас он чувствовал, что этот металл знает что-то, чего не знают карты.

Он поднял голову и посмотрел на тропу пограничных стражей. На едва заметные метки, на старые скобы, на проседания травы — на всё то, что говорило о том, что здесь когда-то ходили люди, готовые платить любую цену за то, чтобы удержать рубеж.

— Идём по старой тропе, — сказал он, голос звучал твёрдо, без колебаний, хотя внутри всё сжималось от понимания, что это самый рискованный выбор. — Если она вела стражей раньше, значит, может провести и нас. Но запомните: теперь каждый шаг — не просто движение вперёд. Теперь каждый шаг — проверка. На верность. На храбрость. На то, достойны ли мы носить имя тех, кто шёл здесь до нас.

Никто не возразил. Даже те, кто ещё минуту назад яростно отстаивал другой путь, теперь просто кивнули, будто сами почувствовали, что спорить больше не о чем.

Отряд двинулся по старой тропе, ступая осторожно, почти на цыпочках, прислушиваясь к каждому шороху, к каждому скрипу ветки, к каждому вздоху ветра. И чем дальше они уходили от перекрёстка, тем сильнее казалось, что сама земля меняет правила игры. Трава под ногами становилась мягче, будто пыталась заглушить шаги. Тени вытягивались и сплетались в причудливые узоры, словно пытались что-то подсказать. А перстень в кармане Растора продолжал тихо пульсировать, как будто отсчитывал не секунды, а судьбы.

Вскоре обычные звуки войны — отдалённые выстрелы, гул техники, крики — стали глуше, будто их накрыли толстым одеялом. Здесь, на старой тропе, мир звучал иначе. Здесь он шептал.

И этот шёпот был похож на воронье карканье, которое звучало не снаружи, а где-то внутри каждого бойца, напоминая о том, что цена ошибки теперь измеряется не только временем или силами, но и жизнями.

Война становилась личной. Не против армии Мазаракша, не против укреплений и снайперов — а против самой Украины, которая теперь смотрела на них не как на врагов, а как на гостей, пришедших без приглашения, и решала, кого из них она готова отпустить, а кого оставит себе.

Растор шёл впереди, чувствуя, как перстень пульсирует в такт его шагам. Он не знал, что ждёт их дальше. Но он знал одно: назад дороги не будет. И каждый из них теперь должен был решить, что для него важнее — выжить любой ценой или остаться верным тому, за что они встали на эту тропу.

Глава 5. «Эхо выстрелов: снайперская дуэль в мёртвом городе»

Мёртвый город встретил отряд не тишиной, а её подделкой — такой ровной, неестественно гладкой, что от неё по коже бежали мурашки. Дома стояли рядами, как надгробия, с пустыми глазницами окон, в которых отражался серый, безжизненный свет. Каждый проём мог скрывать смерть, каждый обломок кирпича — быть частью ловушки, заранее рассчитанной до миллиметра.

Растор держал группу в плотном строю, не позволяя растягиваться. Здесь дистанция была врагом: стоило кому-то отойти на десяток шагов — и он исчезал не в тумане, а в самой архитектуре города, где стены будто нарочно искажали перспективу, прятали углы и заставляли сомневаться в собственных глазах.

— Держим дистанцию пять метров, — коротко бросил майор, голос звучал приглушённо, словно даже он боялся потревожить эту хрупкую тишину. — Ворон, авангард. Держи сектор. Барс, прикрой тыл. Клык — разведка по флангам, но не уходи далеко.

Ворон кивнул, не поднимая глаз от прицела. Его пальцы лежали на спусковом крючке легко, почти небрежно — но это была обманчивая расслабленность. Он знал: в таком городе малейшее напряжение мышц может стоить жизни.

Они прошли ещё два квартала, когда первый выстрел ударил по ушам не звуком, а ощущением — будто воздух сам сжался и лопнул. Пуля прошла над плечом Клыка, высекая искру из ржавого козырька, и ушла в стену, раскрошив кирпич в пыль.

Тишина рухнула, как стеклянный купол.

— Контакт! — рывкнул Растор, и отряд рассыпался по укрытиям — не хаотично, а по отработанным секторам, сливаясь с тенями, становясь частью руин.

Но второй выстрел прозвучал с совершенно другой стороны — не оттуда, где мог прятаться стрелок, а будто из самого воздуха, из угла, который физически не мог существовать. Пуля ударила в угол стены, рядом с головой Ворона, и он наконец понял: противник не просто хорош — он играет с пространством.

— Он стреляет из мёртвых зон, — прошептал Ворон в гарнитуру, голос был ровным, но в нём звенела та самая ледяная ярость, которая появляется у снайперов, когда охота превращается в дуэль. — У него точки на крышах, но пули приходят под углами, которых не должно быть. Либо у него зеркала, либо... этот город сам помогает ему.

Растор стиснул зубы. Он не верил в магию, но верил в тактику, а тактика говорила: здесь что-то не сходится.

Тем временем перстень в его кармане тихо завибрировал — не вспыхнул, не засветился, а именно вибрировал, как будто пытался передать какой-то ритм, предупреждение, которое нельзя было услышать ушами, но можно было почувствовать кожей. Холод металла проникал сквозь ткань, и каждый импульс отдавался в груди, заставляя сердце биться чуть быстрее.

Майор коснулся кармана, не для того, чтобы проверить перстень, а чтобы убедиться, что он всё ещё с ним — как будто этот древний символ был якорем в мире, который начал терять привычные очертания.

— Клык, — тихо сказал Растор, стараясь не шевелить губами, чтобы звук не разлетелся по пустым улицам. — Фланг. Что там?

Клык, прижавшийся к стене, медленно повернул голову, вглядываясь в переулок, который казался тупиком. И вдруг он замер.

— Майор... — прохрипел он, и в его голосе впервые прозвучал настоящий, неприкрытый страх. — Там движение. Не тени. Люди. Много. Они обходят нас.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.